

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете «Вперед», №4 (42), апрель 1998 года

На строительной площадке музея

«Владлен» предстоит закончить штукатурные, малярные, облицовочные работы, перекрыть крышу, приве-

стельный объект делом общегородской важности. Вспомним, как строили всем миром Дворец культуры им. Ю. Гагарина в 50-х годах или ЦРБ — в 70-х. Все промышленные предприятия, все организации города принимали участие в работе: кто техникой помогал, кто материалами, не говоря о субботниках и воскресниках — без них в те годы ни одно здание не возводилось. И участвовали мы в этих субботниках и воскресниках без роптания, потому что понимали: строим жизненно важные объекты.

Сейчас другое время, другие отношения между организациями и людьми. Сейчас призывами «поможем», «возродим», «все как один»... результата не добьешься. Попробуем тогда посмотреть на наш случай с позиции «что я с этого буду иметь?», «будет ли мне это выгодно?»

Музей может предложить рекламу — тонкую и ненавязчивую. Рассказывает, например, экскурсовод гостям о сегодняшнем дне города и делает короткую рекламную паузу следующего содержания: музей благодарит организацию и финансовые структуры (даёт их название), которые помогли в реконструкции здания, благоустройстве его территории, оснащении современной оргтехники. К примеру, поблагодарим

завод лакокрасочных покрытий за выделенную краску, трикотажную фабрику за то, что связала костюмы для зрителей, хлебокомбинат — за оснащение музея современным оборудованием и т.д.

Но самое главное, конечно, не реклама, а благодарность ныне живущих и тех, кто будет жить после нас. Музей — хранитель памяти, а добрые дела, как правило, не забываются.

Пройдет несколько лет, и вокруг открытого музея мы разобьем сквер, благоустроим прилегающие улицы исторического центра города. И народ удивится и скажет: да как же мы могли жить без всего этого.

Мы верим — так будет, потому что так распорядилась судьба. Потому что пришло время создавать, а не разрушать; задумываться и анализировать нашу с вами жизнь, и изучать не только историю давно минувших дней, но и историю ближнюю — XX века, в котором нам суждено было родиться и жить.

А музей мы все же к 7 июня постараемся открыть, хоть малую его часть, да откроем.

Л. ГИРЛИНА,
зав. краеведческим отделом
Государственного
историко-художественного
музея-заповедника.

Человеку свойственно верить в чудеса. Мы верили, и чудо произошло: 5 ноября 1997 года, идя навстречу пожеланиям горожан, Комитет по управлению имуществом районной администрации передал в аренду сроком на пять лет Сергиево-Посадскому государственному историко-художественному музею-заповеднику здание по адресу: Сергиев Посад, Овражный переулок, 9а для организации в нем краеведческой экспозиции.

Второе чудо было чудеснее первого: наш музей незамедлительно приступил к реконструкции и капитальному ремонту здания. Темп ремонта был настолько стремительным, что забрезжила надежда открыть экспозицию 7 июня в День города, который по традиции мы отмечаем в наш престольный праздник — в День Святой Троицы.

Итак, осталось два месяца. За это время музею и нашему доблестному подрядчику — фирме

«Владлен» предстоит закончить штукатурные, малярные, облицовочные работы, перекрыть крышу, приве-

сти в порядок внешний вид здания. Кроме того, надо будет расчистить и благоустроить территорию. И все это за два месяца. Кто-то скажет: «святая наивность, это сделать невозможно за столь короткий срок, да еще при том, что денег у музея на ремонт больше нет».

Так-то это так, — ответим мы, — но не открыть экспозицию ко Дню города мы тоже не можем, потому что обещали горожанам это сделать, и слово надо держать. Что же нам остается? Верить в третье чудо. Верить в то, что районная администрация поможет в трудный час (она уже помогла, освободив нас временно от арендной платы). Что найдется какая-то другая структура (промышленная, коммерческая, финансовая), которая поддержит музей. И это может случиться. Есть еще один проверенный временем вариант — объявить наш скромный в масштабах города строи-

Краеведческий календарь

1998 год. Апрель

2 апреля — день памяти А. С. Горловского — педагога, лектора, публициста и критика, человека, которого уважал и любил весь город. Он умер 10 лет назад.

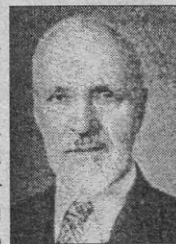

4 апреля — день памяти писателя Владимира Солоухина (1924—1997). Любил наш город, гостил у брата, встречался со своими читателями. Первая встреча проходила на фабрике-кухне с работниками ЗОМЗа, когда Солоухин был еще студентом Литературного института, последняя — незадолго до смерти — в Сергиево-Посадской гимназии.

6 апреля — 80 лет со дня смерти известного мецената, владельца именина Абрамцево, участника железнодорожного и промышленных обществ Саввы Ивановича Мамонтова (1841—1918). Создал русскую частную оперу, был дружен с крупнейшими деятелями русской культуры.

В апреле 1918 года — 80 лет назад в Сергиевом Посаде была создана большевистская организация. Насчитывала в то время 200 членов. Первым председателем был Л. В. Виленский.

11 апреля — 40 лет со дня смерти художника Константина Федоровича Юона (1875—1958). Жил несколько лет в нашем городе. В 1922 году был издан альбом его литографий «Сергиев Посад».

28 апреля — 60 лет заводу «Электроизолит».

БЛАГОДАРИМ

Благодарим всех, кто откликнулся на нашу рубрику «Поиск» и принес в музей семейные реликвии.

Особые слова благодарности мы адресуем сегодня Олегу Валерьевичу Бакеву, который передал в музей часть архива известного краеведа Николая Александровича Бакева.

Л. ВАСИЛЬЕВА.

Редкий снимок

На экскурсию в краеведческий

Сколько лет этим детям? Наверное, семь или восемь. Так и есть — вот и на обороте фотографии написано: «1 класс, 1930 год». Значит, сейчас тем, кто на снимке, уже за 70.

Николай Николаевич Протопопов принес этот снимок на очередное заседание краеведческого клуба «Хронос». Члены клуба — люди немолодые, они сразу узнали место съемки — Троице-Сергиева лавра, лестница, ведущая в Трапезную. Тогда она, как и другие храмы монастыря, была закрыта для богослужений. В многочисленных помещениях Лавры новая власть разместила городские службы, конторы, даже цехи. ЗОМЗ, например, первые свои изделия выпустил в Лавре. В Духовской церкви была открыта столовая, в Царских чертогах устраивались танцы. А в Трапезной в конце 20-х открыли Краеведческий музей. Иконы загордели цитами, на которых разместили экспонаты. Были в музее отделы геологии и почв, ботаники и зоологии, кустарных промыслов и быта. По воспоминаниям ста-

рожилов, в музее широко была представлена природа края, там стояли чучела животных и птиц, обитавших в наших краях. А еще рассказывают, что музей был очень антирелигиозным, на стенах висели плакаты антирелигиозного содержания, но на них ребята не смотрели. Их любимым отделом был природный,

около него они и стояли подолгу.

Организовало музей общество изучения местного края. В его задачи входило вести всестороннее научное изучение края и быть просветительским центром.

В 1924 году общество провело первую краеведческую конференцию, а в 1925 году издало статистико-экономи-

ческий сборник «Сергиевский уезд».

В середине 30-х годов музей был закрыт, памятью о нем остались фотографии, в том числе и эта.

Смотрю на лица: почему-то никто не улыбается. Наверное, понимают серьезность момента, а может быть, впервые увидели фотографа.

Его отец — купец Константин Иванович Кочерыгин жил с семьей, женой и четырьмя детьми, в двухэтажном собственном доме № 3 на Петропавловской улице (ныне ул. Первой Ударной Армии). Перед домом на склоне холма был разбит сад и роскошный цветник, украшенный огромным зеркальным шаром, в котором отражалось цветочное великолепие. Все это поражающе воображение горожан своей фантазией. Оба сына Константина Ивановича — Николай и Петр — получили высшее образование, дочь Ольга была фельдшером и оспопрививательницей, а Варвара до революции занималась торговлей иконами. Дети были воспитаны в православных традициях, в доме было много исторических и духовных книг.

После окончания в 1901 году Московского университета некоторое время Кочерыгин работал городским, а также «особым земским врачом», так называлась должность врача, занимающегося контролем за врачебными участками, которые оказывали медицинскую помощь сельскому населению. К 1900 году в Сергиевском Посаде и в ближайших к нему волостях Дмитровского уезда было несколько таких участков. Первый открыли в Хотьково еще в 1878 году. В 1890 г. был создан участок в Сергиевском Посаде, в 1900 - в Ярыгино, два врачебных участка располагались в Софринской волости.

Но известность Петр Константинович еще до революции приобрел как частнопрактикующий врач, обслуживающий больных на дому. Выглядел он в молодости эффектно! — «настоящим бароном». Одет был всегда элегантно, ходил с тростью в руке, знал латынь, французский и греческий языки. Больные обожали своего врача за то, что он в любой час дня и ночи спешил к ним на помощь, за сострадание и доброту, за то, что бедных обслуживал бесплатно.

Женился Кочерыгин, как вспоминают старожилы, на красивой женщине Посада, владелице галантерейного магазина из семейства Верзилиных.

Несмотря на то, что в частной практике он был не единственным врачом, популярность Петра Константиновича росла очень бы-

ВРАЧ ПЕТР КОЧЕРЫГИН

16 мая 2000 года сергиево-посадское здравоохранение будет отмечать столетие нашей 1-й горбольницы. Имена ее первых земских врачей Н. А. Королева и С. П. Гасабовой помнят многие горожане. Но не менее знаменитым врачом, стоящим у истоков сергиево-посадской медицины, был и наш земляк - Петр Константинович Кочерыгин (1877 - 1945).

стро. Со своими недугами к нему обращались высшее духовенство и вся городская знать. Он был известен и как общественный деятель: в течение шести лет был выборным уполномоченным городской Думы, и в 1913 году как ее представитель присутствовал на официальной встрече императора Николая II, прибывшего в Сергиевский Посад по случаю 300-летия Дома Романовых. На эту встречу были допущены только представители духовенства, суда и первые должностные лица города.

В 1915 - 1917 гг. П. К. Кочерыгин — действительный член городского добровольного противопожарного общества. В паре с доктором Петром Владимировичем Гранбергом он оказывает помощь пострадавшим от пожаров и является представителем общества Взаимного страхования, откуда пожарная команда ежегодно получала часть средств для своей деятельности.

После Октябрьской революции на иждивении Петра Константиновича оказались его ближайшие родственники: парализованный брат, сестра, тетка и жена. Клиентура в эти годы значительно уменьшилась: подкрался голод и безработица.

С 1918 года Петр Константинович работает городским врачом при бывшем убежище для сестер милосердия Красного Креста вместе с врачом Митрофаном Николаевичем Пивоваровым,

фельдшером К. Н. Налетовым и городской акушеркой Л. А. Шереметьевской. Амбулатория, где велся бесплатный прием больных, была перегружена работой — квартирными вызовами, работой в тюрьме и ночными дежурствами, введенными с мая 1919 года. Случалось, что пациентами Кочерыгина были представители новой власти. Так, член Президиума Совдепа Алексей Федорович Никольский в июне 1918 года, обращаясь в Совдеп, просит дать ему по справке городского врача Кочерыгина трехмесячный отпуск для лечения невралгии, а еще денежное пособие, так как за восемь месяцев жалования не получал, и свои скудные учительские

да власти назначили вскрытие мощей преподобного Сергия. По воспоминаниям бывшего чиновника Федора Константиновича Попова, на вскрытие был приглашен и Кочерыгин, чтобы обеспечить в комиссии присутствие местного врача. «Но Кочерыгин отрез отказался, мотивируя отказ тем, что он глубоко верующий». «Тогда, — пишет далее Федор Константинович, — послали за другими врачами — Ю. А. Гвоздинским (врач электроакадемии. — Т. Б.) и П. П. Поповым. Те согласились».

П. К. Кочерыгин.

крытие новой объединенной больницы с амбулаторией «из-за трудностей с персоналом и производством». Она была открыта через несколько месяцев в бывшем убежище сестер милосердия Красного Креста врачом электроакадемии А. С. Савваитовым и существовала около трех лет. В это время П. К. Кочерыгин был назначен государственным судебно-медицинским экспертом нашего уезда (март 1920 г.). Разъезжая по указаниям органов дознания, он вскрывал тела умерших и оказывал помощь пострадавшим. Долгое время работа осложнялась отсутствием транспорта, морга и помещений для приема больных при лечебницах уезда. По инструкции 1926 года эта служба стала входить в деятельность Уздрава и Петру Константиновичу был предоставлен вспомогательный персонал.

После смерти жены и сестры Ольги Петр Константинович остался с парализованным братом. Он сблизился в это время с писателем Сергеем Тимофеевичем Григорьевым, жившим на ул. Красной в 1922 - 1938 гг., с бывшим генерал-майором царской армии В. М. Павловым, поддерживал дружеские отношения с С. Н. Ритт.

Освоив гомеопатию, П. К. Кочерыгин наряду с судебной медициной продолжал частную практику уже как гомеопат. Но новое поколение амбулаторных врачей не признавало этого метода лечения и часто выражало недовольство единственному гомеопату города.

Приближались тревожные тридцатые годы, когда особенно внимательно присматривались к «неблагонадежным» по происхождению. И вот накануне своего шестидесятидвулетия 26 марта 1938 года П. К. Кочерыгин был арестован. Его осудило особое совещание, и он был сослан в Казахстан. Там с сентября 1939 года он работал в городе Козелинске сначала прозектором (вскрывал тела умерших в больнице), а затем врачом амбулатории. Возвращаясь из ссылки в 1945 году 69-летним стариком, он умер в дороге — сердце не выдержало волнения перед встречей с городом, который он так горячо и нежно любил.

В 1956 году президиум Московского областного суда отменил постановление особого совещания по делу П. К. Кочерыгина, и он был реабилитирован.

Так закончилась жизнь одного из популярных врачей нашего города, свои первые профессиональные шаги сделавшего в земской медицине.

Т. БУДНИКОВА.

При подготовке материала использовались документы Государственного архива РФ и Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), а также воспоминания современников.

Константин Иванович Кочерыгин с женой и сыновьями — Николаем и Петром (фото 1880-х гг.)

средства тратил на поездки по делам Совдепа и на бесплатную литературу для солдат.

Терпел нужду и сам Петр Константинович: его жалование в 1919 году составляло 893 рубля и соответствовало стоимости одной пары обуви, поэтому он не отказывался от дополнительных работ: в яслях, в школе, во врачебно-консультативной комиссии, в педагогическом техникуме и тюрьме.

В 1919 году в городе и районе начались эпидемии тифа, оспы и детских инфекций (см. «Краеведческий вестник» за июль 1994 г.). П. К. Кочерыгин был включен в распорядительную эпидемическую комиссию. В это безрадостное время на 11 апреля 1919 го-

В 1920 году руководящий орган здравоохранения, уездный здравотдел был окончательно сформирован согласно установленной структуре. Заведующий его лечебным подотделом Юрий Антонович Гвоздинский сделал доклад на IV районном съезде Советов. Он сообщил об открытии в октябре 1920 года в здании бывшей лаврской богадельни детской больницы на 75 коек и представил план новой лечебницы для взрослых в том же здании на 50 коек. По решению органов здравоохранения заведующим больницей решено было назначить П. К. Кочерыгина, а врачами Н. В. Гранберга (врач железнодорожной больницы) и Д. Г. Мариненгофа (врач богаделен). Московский здравотдел задержал от-

Петр Константинович Кочерыгин с женой (фото начала века).

Старшая сестра моей матери, Анна Ивановна, родилась в 1866 году. Она была старшим ребенком в семье Унковских. Восемнадцати лет она вышла замуж за тридцатилетнего орловского помещика Сергея Алексеевича Хвостова, вскоре после женитьбы назначенного вице-губернатором Орла.

Будучи небогатыми людьми, все братья Хвостовы служили по разным ведомствам. В конце прошлого века Сергей Алексеевич получил место пензенского губернатора, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел в Петербурге.

В семье Хвостовых было восемь детей: шесть сыновей и две дочери. Жизнь семьи первые двадцать лет прошла в радости, счастья и спокойствии. Следующие двадцать лет унесли из жизни половину членов семьи. Еще через десять лет остались только трое.

С переездом в Петербург старшие мальчики были определены в Царскосельский лицей, а дочь Екатерина — в Смольный институт. Лето семья проводила в деревне Орловской губернии, а к осени возвращалась в Петербург. В 1906 году старший сын Николай заканчивал курс в лицее, а сестра его Катя — Смольный институт. Сергею Алексеевичу необходимо было быть в Петербурге в начале августа. Анна Ивановна не пожелала остаться с детьми в деревне без мужа, и

жандармами, стояли толпы людей, раздавались стоны, плач родных и близких. Анне Ивановне было страшно увидеть мертвого мужа, которого она всего два часа назад провожала из дома веселого, улыбающегося. Она боялась войти в комнату, на которую указывал провожавший ее жандармский офицер. Ей подумалось, что она увидит обезображенное тело. А он, любимый ее

мать на посту начальницы Елизаветинского института, большую часть летних каникул проводила в Посаде. Стала приезжать в хвостовский дом и ее мать Анна Николаевна Унковская. У тети Ани появилось в Посаде много знакомых интересных людей: Флоренские, Верховцевы и другие.

Прошло восемь лет со дня гибели мужа, раны еще не залечены, а Анне Ивановне уже пред-

выкли видеть строгую монахиню Анну, ее дочь и сына. Они стояли безмолвно, в стороне, перед большой иконой Казанской Божьей Матери и молились.

В сентябре 1922 года Анна Ивановна уехала за границу — там оказались два ее сына. Вскоре приняла постриг Екатерина Сергеевна, став матерью Иннокентией. Она взялась за устройство жизни монахов, выгнанных из Зосимовой пустыни, собирала

— Где тут Хвостовы? Показывай, в какую дверь! — орал другой, особенно противный.

Анна Ивановна была одна, она сидела в комнате в халате. Катя накануне утром уехала в Москву.

Старший из пришедших ворвался в комнату и грубым голосом прокричал:

— Постановление коллегии ГПУ! Вы и ваша дочь арестованы! — Боже, за что же? — едва слышно проговорила тетя Аня.

Агент ГПУ бесцеремонно вытащил коробку папирос, закурил и бросил спичку на пол. Небольшая комната Анны Ивановны, увешанная иконами, с горящей лампадой, с множеством фотографий на стенах, наполнилась никогда не бывавшим здесь табачным дымом.

Обыск шел до самого утра. Рано утром Анну Ивановну в сопровождении двух агентов ГПУ отвезли на извозчике на станцию, а там поездом до Москвы и на Лубянку. Екатерина Сергеевна, приехав из Москвы на следующий день, отправилась в городское ГПУ и, естественно, не вернулась домой.

На Лубянке не нашлось достаточных материалов, чтобы обвинить Хвостовых в совершении ими какого-либо преступления. Пытались обвинить в сокрытии церковных ценностей. Но поскольку Анна Ивановна в период массового изъятия ценностей была за границей, обвинения в отношении нее отпали. При обыске ничего не обнаружили. Но не зря же ездили в Сергиев Посад арестовывать двух женщин. Им дали «минус шесть», то есть не разрешалось проживать в шести губерниях: Московской, Ленинградской, Киевской, Харьковской, Ростовской и Одесской.

Хвостовы выбрали Тверь. Анна Ивановна умерла в ссылке в 1933 году. Схимонахиня Леонтия, воспоминания которой были напечатаны в 1993-94 годах в «Московском журнале», встретила с монахиней Иннокентией, в миру Е. С. Хвостовой в Вологде и была под ее духовным руководством. Она написала так: «Мать Иннокентия была высокого роста, худая, носила низко повязанный на глаза платок. Речь ее была тихая, мерная, убедительная. Временами была строга и требовательна, иногда ободряла упавшую духом».

Последний раз видела ее мать Леонтия 23 июля 1938 года: «В три часа ночи я проводила сестер на вокзал в город Данилов. Солнце только всходило, город спал. День предвещал быть ярким и жарким. На душе было тихо; послушание выполнено точно, шла, читая утренние молитвы. Подойдя к дому, увидела взволнованную сестру Валентину, которая предупредила меня, чтобы я не ходила к старице, так как у нее шел обыск. Через несколько часов видели, как повели ее. Я была вне себя — отчаяние овладело мною. Я любила ее и страдала. Часами в свободное время простаивала у ворот тюрьмы».

Даты ее смерти мы не знаем — следы потерялись.

Материал подготовила
Т. СМЕРНОВА.

С. П. Раевский

СЕМЬЯ ХВОСТОВЫХ

Многие жители Сергиева Посада еще помнят, что на улице Шлякова стоял дом необычной архитектуры, известный как дом Хвостовых. Дом сгорел. Но сохранилась память о людях, которые в нем жили. Воспоминания о них написал Сергей Петрович Раевский, племянник владелицы дома Анны Ивановны Хвостовой. Семья Раевских поселилась в этом доме осенью 1922 года.

Сергея, лежал на кушетке как живой, только небольшая царапина на правом виске с залекшейся кровью. В глазах ее помутилось, она потеряла сознание. Ее подхватили двое жандармов и положили на диван в соседней комнате. Когда она пришла в себя, рядом сидели три ее старших сына и дочь.

На семейном совете Анна Ивановна решительно заявила, что после похорон мужа она с младшей дочерью Варварой и тремя младшими сыновьями Алешей, Шурой и Димой уезжает в Москву. Старшие братья и их сестра Катя должны пока оставаться в Петербурге. Это решение было принято всей семьей с полным единодушием.

В Москве тетя Аня остановилась у своей матери в Елизаветинском институте благородных девиц, где та была начальницей. Позже она сняла квартиру на Зубовском бульваре. После гибели мужа у Анны Ивановны усилились религиозные чувства. Она часто вместе с матерью посещала Троице-Сергиеву лавру и окрестные монастыри. Несколько раз бывала в Черниговской пустыни, где тогда жил всеми уважаемый старец Варнава. Приезжала в Зосимову пустынь, находившуюся верстах в двадцати от Сергиева Посада. Здесь она обрела себе духовника — смиренного монаха, впоследствии схимника отца Алексия. Общась с духовными лицами, совершая молитвы, Анна Ивановна получала утешение в своем горе. И

вскоре все мирское стало для нее уступать место духовному. Однажды при посещении Сергиева Посада ей пришлось в голову приобрести здесь дом. Кто-то из священнослужителей указал ей на один красивый, добротный дом с мезонином, подлежащий продаже. Она незамедлительно оформила покупку. Было это, должно быть, летом 1910 года. Для большинства ее родных и знакомых эта покупка была неожиданной и показалась даже странной. Сама же Анна Ивановна посчитала, что это приобретение было подсказано ей свыше. Она совсем успокоилась, после того как получила по этому поводу полное одобрение всех своих детей и, главное, благословение своего духовника.

Вскоре новый дом стал постепенно обживать. Из имения прибыли два человека прислуги. Привезли мебель, иконы, отслужили молебен, и через каких-нибудь два-три месяца дом был готов принять всю семью Хвостовых, если бы им захотелось приехать сюда в любое время на любой срок. Анна Ивановна и ее дочь Екатерина Сергеевна не забывали посещать дом. Сначала эти поездки приурочивались главным образом к большим праздникам, потом участвовали и Анна Ивановна, сменившая свою

стоят новые испытания. Началась первая мировая война. Два ее сына — Ваня и Сережа, оба офицеры, в первый же день мобилизации отправились на Западный фронт. Старший сын Коля по состоянию здоровья не подлежал мобилизации и был назначен земским начальником по Орловской губернии. Алеша, Шура и Дима еще дети. Первому из них только что минуло 13 лет. Алеша однажды сказал: «Почему мне не пойти на войну? Пете Ростову тоже было 13 лет».

Наступила революция. Сначала одна, потом другая. Война кончилась, сыновья Ваня и Сережа вернулись домой. Вся семья обосновалась в Сергиевом Посаде. Здесь было спокойнее, чем в Москве. Однако двум офицерам Русской армии было небезопасно оставаться в Советской России, и они решили податься на Украину. Вместе с ними уехали их братья Алеша и Шура. Старший брат уехал на Украину еще раньше.

Анна Ивановна осталась в Сергиевом Посаде с двумя дочерьми, младшим сыном Димой и гвернанткой Эммой Александровной Урн. Вскоре случайно от приехавших с Украины людей она узнала о гибели обоих сыновей, сражавшихся в Белой армии. Эскадрон гвардейцев, в котором служил Алеша, предпринял атаку против укрепленной позиции красных, обрушившей на атакующих шквал пулеметного огня. Пуля пробила голову Алеше. Он замертво свалился с лошади, как и его любимый герой Петья Ростов.

О Шуре рассказал поручик Вulich, бывший с ним в госпитале. Поручик вышел из госпиталя без правой руки, а Шура умер от ран.

Последним испытанием для Анны Ивановны была смерть дочери Варвары, скончавшейся в 1920 году от тифа, и почти одновременная смерть старшего сына.

Анна Ивановна решила посвятить себя православной церкви, принять постриг, но остаться монахиней в миру. В Сергиеве в церкви Рождества каждые субботу и воскресенье прихожане при-

средства для помощи монахам, пока не нашедшим приюта. К себе в дом Катя пригласила на житье престарелого монаха Пантелеймона.

Старец Алексей и его келейник Макарий поселились в доме поблизости. Пищу им готовили в доме Хвостовых.

С группой послушниц из еще существовавшего женского монастыря Катя отправилась в разоренную Зосимову пустынь и собирала оставшуюся, еще не реквизированную церковную утварь и иконы. Собранное размещали в городе по церквам и домам верующих.

В начале лета 1924 года вернулась в свой родной дом Анна Ивановна.

Она навестила во Франции сыновей, внуков, родных и близких знакомых, оставила там младшего сына. Двухгодичное отсутствие Анны Ивановны и ее неожиданное возвращение не могли пройти незамеченными для жителей Сергиева. Она же снова окунулась в церковную жизнь города, принимала у себя монахов разрушенной Зосимовой пустыни, помогала им, чем могла, не представляя себе, что органы ОГПУ следят за ней. Они, конечно, следили и за дочерью. Но теперь, считали они, мать приехала из-за границы, явно «с контрреволюционными целями». Конечно, получила «там» задание, а здесь связанная — дочь. Тоже наверняка собирала сведения и шпионила. Налицо все, что требуется для ареста, тем более, что никакого прокурора не надо. Сама коллегия ОГПУ выдает ордер. И выдала.

В конце февраля 1925 года поздно вечером раздался неистовый стук в железную калитку. Яростным лаем заливался Мильтон. Я еще не спал. Быстро накинул пальто, выбежал во двор, крикнул: «Кто там?» «Открывайте — милиция!!!» — последовал не терпящий возражения грубый крик. Вошли двое в шинелях и в кубанках, за ними наш сосед.

— Держи собаку! — заорал один из гэпэушников, — а то я ее сейчас прикончу из маузера!

Екатерина Хвостова — фрейлина Императорского двора.

вся семья приехала вместе с ним в Петербург.

Осенью старшему сыну предстояло отбывать воинскую повинность в одном из пехотных гвардейских полков, а Катя должна была быть пожалована во фрейлины Императорского двора и представлена вдовствующей императрице Марии Федоровне. Выезды, балы в высшем петербургском свете сулили Кате Хвостовой блестящую партию и беззаботную жизнь. Но как раз в это время в счастливой семье Хвостовых произошла катастрофа. Сергей Алексеевич — глава семьи — трагически погиб 12 августа 1906 года от взрыва бомбы, брошенной террористами на даче министра П. А. Столыпина на Аптекарском острове. При этом Столыпин по счастливой случайности остался жив и невредим, а многие люди, ожидавшие его приема, в числе которых был Хвостов, погибли.

Случившаяся трагедия потрясла семью. Анна Ивановна всю жизнь не могла вспомнить без содрогания, как к их дому на Фурштатской подъехала карета, из которой вышел жандармский офицер и сообщил, что произошло. Она ехала рядом с ним, находясь в полной прострации. А когда пришла в сознание, ей становилось страшно. Около дачи Столыпина, оцепленной конными

Дом Хвостовых.

• Заводу «Электроизолит» — 60 лет

НАЧАЛО

Строительство завода «Электроизолит» в Хотькове началось почти одновременно со строительством ЗОМЗа и ЗЭМЗа в тогдашнем Загорске. Город ликовал — еще бы, новая жизнь сулила всем большие перемены. Повсюду были развешены объявления: требуются... требуются... требуются каменщики и плотники, штукатуры и чернорабочие, маляры и грузчики. Можно податься в ПТУ, поступить в техникум и даже в вуз.

Народ радовался, не понимая, что беда на пороге. В условиях нарастающей военной опасности проблема обеспечения страны отечественными электроизоляционными материалами приобрела особую остроту. Ведь они применяются в любой электрической машине, в каждом электрическом устройстве.

Когда выбирали площадку под строительство, учитывали многие факторы: и чтоб основные потребители (а это прежде всего московские предприятия) были поблизости; и железная дорога под боком. Важную роль сыграла и сравнительно высокая плотность населения на северо-востоке Московской области. Это обеспечивало строительство, а в дальнейшем и завод рабочей силой. Протекавшая рядом река Пажа давала воду для строительных и промышленных нужд. Таким образом, для строительства завода в районе Хотьково имелись благоприятные условия. Фронт строительных работ не замыкался лишь на заводских корпусах. К заводу тянули железнодорожную ветку от станции Хотьково, строили деревянный мост через Пажу, прокладывали высоковольтную линию электропередачи от станции Софино протяженностью 16 километров. Много сил и энергии потребовало строительство заводских коммуникаций. Траншеи для них, котлованы для фундамента цехов и других промышленных объектов глубиной до 10 и более метров рыли вручную. Главным орудием труда служили кирка и лопата. При рытье траншей, а их копали по ярусам, через каждые два метра делались перекрытия и землю перелопачивали по этим этажам доверху. Доски, кирпичи, балки, раствор носили наверх по сходням на себе. На плечи надевали деревянные подвески — «козу», на них клали кирпичи.

Одновременно завод готовил рабочие кадры.

Из воспоминаний Елены Адамовны Ляпуновой:

«... В 1938 году я поступила учиться на чертежно-конструкторские курсы, организованные при заводе «Электроизолит». Строительство только на-

чалось, зданий еще не было. Зима лютая, в бараке, где мы учились, холодно так, что застывала тушь в рейсфедерах. Но нам, молодым, все было нипочем. Мне 16 лет, и молодость брала свое. Когда сходил снег и появлялись первые подснежники, я собирала их в овраге и в лесу — ведь на территории будущего завода был тогда лес! А стройка шла своим чередом. Сначала построили пожарное депо, но т. к. гореть было еще нечему, туда поселили сотрудников заводоуправления. Появился буфет с буфетчицей тетей Маней. За продуктами тетя Маня ездила в Москву, отправлялась туда с первой электричкой. Возвращалась с двумя мешками наперевес да еще 2-3 торта привезет нам, молодым. Часто вспоминаю ее добрым словом...»

Одновременно со строительством

корпусов строилось жилье — сначала 8 барачков, потом, в 1937-м, были заложены жилой поселок, школа, детский сад, ясли и магазин.

Многое было сделано к весне 1938 года, когда встал вопрос о признании официального статуса Хотьковского завода электроизоляционных материалов как самостоятельного предприятия. 28 апреля 1938 года был издан приказ №1а за подписью его первого директора И. Ф. Филиппова. Он и явился точкой отсчета.

С тех пор прошло 60 лет. Завод работает, он выдержал перестроечный шторм и остался на плаву. Он выпускает продукцию, которая по-прежнему нужна народному хозяйству.

Л. ВАСИЛЬЕВА.

По материалам книги «Полвека на службе электрификации страны» (М., 1988 г.) и воспоминаниям старожилов.

Группа первых строителей завода.

Слева направо: Г. Радченко, А. Кувшинова, Е. Беспалова, А. Агафонова, Л. Петрова.

Колонна физкультурников завода на демонстрации.

Возглавляет колонну председатель стройкома В. А. Петров. 1938 г.

ЭТОТ ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Пришвинские дни в Тюмени

«Этот знакомый незнакомец», — так говорили жители Тюмени, рассматривая увеличенные выставочные фотокопии, мастерски выполненные сергиево-посадским фотографом Николаем Соловьевым с негативов Михаила Пришвина 1930 года. Выставка «Когда били колокола», подготовленная Домом-музеем Пришвина в Дунино и Сергиево-Посадским музеем-заповедником, ошеломила тюменцев, о ней писали местные газеты, сообщали по местному телевидению. Открытием выставки началось праздное шествие пришвинских дней по тюменской земле.

О значимости события говорит и тот факт, что на ее открытии выступили С. Сметанок, председатель городской Думы, он же председатель комитета по подготовке пришвинских дней, ректор Тюменского университета Г. Куцев, гости из Москвы — писатель В. М. Песков и директор Дома-музея М. М. Пришвина в Дунино Л. Рязанова и многие, многие другие.

На снимке, сделанном в момент открытия выставки, вы видите известного журналиста В. М. Пескова, который, в частности, сказал, что несмотря на несовершенство фототехники 20-х годов Михаил Михайлович Пришвин как фотограф был весьма искусен. Его снимки являются как бы иллюстрированным при-

ложением к дневникам писателя, являются важнейшим фотодокументом того времени, полно и драматично запечатлевшим моменты так называемого ниспровержения всего старого.

В Тюмени Пришвина воспринимали ранее как певца природы, знали как автора дневников. На выставке авторских фотографий люди увидели незнакомого дотоле Пришвина — Пришвина-гражданина. Он выполнил свою миссию, оставив современникам и будущим поколениям правду о времени, в котором происходила трагедия была нормой жизни. Люди легко расставались с прошлым, не ведая, что творят.

Да, мы легко разрушаем и с большим трудом возрождаем. Эпоха «сброса колоколов» еще не закончилась.

Выставка «Когда били колокола» откроется в нашем городе летом, она будет проходить в рамках празднования 125-летия со дня рождения М. М. Пришвина. Напомним, что выставка представляет собой фоторепортаж из Троице-Сергиевой лавры, где в январе 1930 года уничтожались колокола конца XVII века.

Л. ГИРЛИНА,
зав. краеведческим отделом историко-художественного музея-заповедника.

• Праздники в Сергиевом Посаде (1920-е годы)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ И ПАСХА

(Продолжение. Материалы Валентины Николаевны Аверьяновой (в замужестве Арешкиной) о Рождестве и Масленице читайте в январском и мартовском номерах «Краеведческого вестника» за 1998 год.)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ в церковь шли. Сейчас с вербой в церковь ходят, а тогда из церкви вербу несли. Мы в Ильинскую ходили. Там внутри, в переходе, прямо огромный куст вербы стоял. После службы раздавали ее, кому сколько достанется.

И надо было эту вербочку со свечкой горящей до дому донести: сколько старанья было! И неописуемая радость, если огонек не погас. Мне папа потом купил фонарик. Я свечку в фонарик ставила. У кого погаснет, просят: «Дай зажечь!». А как дать? Откроешь фонарик, и моя свечка погаснет. Какая-то торжественность в этом была.

А на Пасху... К ней заранее готовились. Пост ведь и перед Рождеством был. А вот перед Пасхой как-то особенно ярко пост помнится. Папа на Пасху студень варил, мама пироги пекла. Огромный окорок тестом обмазывали и в русской печи запекали. Гуся делали.

Куличей штук пять — это на семью в три человека. Пасхи — от маленькой до огромной. Где-то три пасочки в гараже до сих пор лежат, надо поискать.

Папа доставал специальную краску пищевую, яйца красить. А потом ее не стало. Какую-то другую покупали, плохую — в яйца проходила. Ее почему-то фуксин называли. Фуксин ведь малиновый?.. А она разных цветов была. Вот луком не красили. И на Троицу тоже красили яйца в разные цвета.

Катали на Пасху яйца и во дворе, и перед домом, и к Никольской церкви ходили, на бугры. Там и хороводы водили. На гулянье приходили группами. А катали на деревянных лотках — неглубокие такие желобки в доске. Разной длины, разного цвета были лотки, полированные. Их в Сергиевом Посаде продавали. С одной стороны приставочка. А место выбирали, чтоб наклонное было — маленькую горочку. Каждая группа себе местечко находила, где травка зеленая, низкая. А то еще стучали яйцо об яйцо. И еще была игра — в лоб стучать яйцом. Не помню уж, в чем та игра состояла....

В. АВЕРЬЯНОВА.
Материал подготовила
Т. СМЕРНОВА.